

Валентин Нервин. Раз и навсегда. Книга новых стихотворений. – Воронеж: Издательский дом ВГУ. 2020. – 142 с.

Мне уже доводилось писать о поэзии воронежского поэта Валентина Нервина – самобытного, с выраженным поэтическим характером мастера. Но у пятнадцатой книги новых стихотворений

автора есть своя отдельная нота: книга увидела свет в год 65-летия поэта и включает новые стихи, написанные в 2018-2019 годы. В этой книге Валентина Нервина немало текстов, напоминающих читателю о поэтике автора, о свойственных ему приёмах стихописания. Но по настроению своему многие стихи держатся на иной грустноватой интонации. Есть ощущение, что, не потеряв свойственной Нервину иронии, эта поэзия приобрела сильнее выраженный жест, за которым таится жизненный опыт, таится ощущение неуловимого, казалось бы, движения времени.

На перекрестке судеб и дорог
я огляделся вдоль и поперек:
земля поката, а душа крылата.
Я видел свет небесного огня,
который завораживал меня,
и говорю на языке заката.
Пора усвоить истину одну,
что высота уходит в глубину,
где наша боль и вечная потрава.
Мы не имеем права убивать
и не имеем права умирать –
на остальное мы имеем право.

Это право на своё слово, на поиск смысла жизни, на которую Валентин Нервин смотрит сквозь волшебную призму своего поэтического взгляда. Нервин философичен. Он мудрец. Но его философское мировидение лишено всякой догматики и поучительности. Он фиксирует факты, события, переживания, из которых выстраивает свою картину жизни. Его свободное поэтическое дыхание по-прежнему наполнено остротой мироощущения.

Ободзинская песня в транзисторе
по железной дороге вела
электричкой до станции Дзинтари,
где красавица Вия жила.
Под шальными балтийскими звездами,
над моей непутевой судьбой
танцплощадку за старыми соснами
раскачал окаянный прибой.
До чего же красиво танцуется
на еще не забытый мотив,
и пожизненно где-то волнуется
нестареющий Рижский залив.

Это совсем не скучное нытьё. Эта нота расставания. В книге живой памяти поэта эта нота звучит проникновенно. Мир меняется, но

человеку трудно согласиться с тем, что перемены эти не всегда разумны и человечны. Он, словно бы, настаивает на своём особом, осеннем состоянии души, на чувстве уходящего времени.

Веселый июль,
не жалея себя, колобродит,
избыточный август
гуляет, в фанфары трубя;
но лето уходит,
и жизнь понемногу уходит –
и то, и другое вернется,
не помня себя.

И снова звучит тот же мотив, та же музыка осени, оттенённая сердечной переключкой с русскими поэтами:

Ну, вот и закончилось лето,
недолгое в нашем краю.
Под небом осеннего цвета
среди листопада стою.
Нетрудно понять с полуслова,
что этой печали под стать:
Есенина или Кольцова
в такую погоду читать.
Уже безоглядно русея,
на круге печали земной,
Сергея, потом Алексея
цитирую, как заводной.
По русской печали осенней,
на долгие лета вперед
остались Кольцов и Есенин –
а всё остальное пройдет.

Цитировать Нервина трудно: не хочется вырывать слова из контекста стихотворения, где чувство и поэтическая мысль органично перетекают одно в другое. И в этом контексте книги звучит другое имя, не ограничивающее «русской печали осенней»:

Осень играет страстями
на убывание дней,
листья швыряет горстями
в сторону жизни моей.
Всё суета и химера,
но от угла до угла
возле Петровского сквера
тьень Мандельштама легла.

Тем радостней и живее звучит такое очень русское, почти частушечное восьмистишие:

Жил себе да поживал,
а в итоге оказалось:
всё, что я зарифмовал,
материализовалось.
Эх, коробушка полна,
да подсумок оборвался –
и какого я рожна
материализовался?..

Это очень характерно для поэтического взгляда автора. Он не бывает многословным. Ему, этому осеннему русскому поэту, достаточно восьми строк, чтобы мы удивились, как необычно, как неожиданно видит и осмысливает жизнь с высоты своей, пришедшей к нему мудрости, Валентин Нервин:

Когда уходит Старый год,
его на славу провожают:
сегодня кто-то водку пьет,
а кто-то елку наряжает.
От всех печалей и невзгод,
назло врагам и непогодам
я провожаю Старый год –
он был когда-то Новым годом!..